

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ»

Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Обсуждаются существующие стратегии операционализации новых для науки понятий: элементаристская стратегия, концептуалистская стратегия, комплексная стратегия, методологически ориентированная стратегия. Рассматриваются методологические основания процедуры операционализации понятия «инновационный потенциал личности». Обсуждаются концептуальные основания системной антропологической психологии, позволяющие рассматривать инновационный потенциал личности в контексте понимания механизмов саморазвития человека как открытой самоорганизующейся системы. В контексте данного подхода инновационный потенциал человека понимается как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения.

Ключевые слова: инновационный потенциал личности; стратегии операционализации понятий; системная антропологическая психология.

Если возникает необходимость операционализировать понятие, то прежде всего встает вопрос о том, почему операционализация его до сих пор не произведена. Пытаясь ответить на этот вопрос, можно обнаружить интересный (с эпистемологической точки зрения) факт. В процессуально-динамическом срезе движения научного познания операционализация чаще выступает как переоперационализация, обусловленная развитием концептуального аппарата, каковое и продуцирует потребность пересмотра его связи с методическим инструментарием. Безусловно, здесь есть прямые и обратные связи, когда новый (обновленный) методический ход приводит к данным, способным вызвать существенные сдвиги в концептуальном аппарате, что, в свою очередь, вновь вызовет потребность в дальнейшей операционализации. Исследование, заметил в свое время А.Н. Леонтьев, может «перевернуть исследователя».

Однако иногда наука сталкивается с необходимостью осуществления «двойной» операционализации, когда одновременно приходится осуществлять две научных процедуры: операционализацию понятия в ходе процесса преобразования абстрактного понятия в конкретный научный термин и параллельно осуществлять процедуру установления связи концептуального аппарата, изменяющегося в силу принятия в себя нового термина, с адекватным ему методическим инструментарием. Такое чаще бывает, когда наука получает конкретный социальный заказ и при этом оказывается не совсем готовой к его принятию. Безусловно, это серьезно усложняет задачу: приходится операционализировать понятие, находящееся в состоянии, которое Л.С. Выготский характеризовал как «смутное знание». Здесь уже исследователь обречен на неизбежное «петлеобразное» движение от теоретического исследования к инструментальному и обратно, конкретизируя понятие в процессе становления операциональных индикаторов. Примером этому может служить принятие наукой понятия «инновационный потенциал личности» в качестве психологического феномена.

В настоящее время социальная значимость проблемы развития инновационного потенциала россиян осознана достаточно хорошо, причем на всех уровнях власти, различных общественных институтов, включая систему общего и профессионального образования. Понятие «инновационный потенциал» стало «концеп-

туальным отражением феномена инновационной деятельности» [1]. Аналитики много пишут о том, что требуются коренные преобразования в образовании и воспитании школьников, студентов, специалистов, указывая при этом на отсутствие адекватных методик оценки и развития инновационного потенциала личности. Постепенно университетское, последиппломное, непрерывное образование обретает в качестве одной из основных целей воспитание инновационно активной личности [2].

В то же время понятие «инновационный потенциал» широко используется как оценочная категория, применяемая к стране, обществу, отрасли, предприятию, организации, отдельной личности. Полидисциплинарный характер понятия провоцирует необоснованные межпредметные переносы не только содержания, вкладываемого в понятие, но и методологии, в которой оно получило свою конкретизацию. Безусловно, есть некий общий радикал, который как бы оправдывает возможность указанных межпредметных переносов. Заключается он в том, что за отсутствием людей, обладающих развитым инновационным потенциалом, теряют смысл рассуждения об инновационном потенциале предприятия, организации, отрасли и т.д. Здесь уже не обойтись привычными рассуждениями о «человеческих ресурсах» и «человеческом капитале». Оказывается, человек представляет такое начало, которое нельзя редуцировать к простой функциональности или напрямую встроить в экономические, производственные и тому подобные системы.

При всей осознанности значимости психологического аспекта инновационного потенциала прямой перенос этого понятия в психологию невозможен. Условием, предваряющим создание и апробацию диагностических и развивающих программ, является «двойная» операционализация исходного понятия. Вовсе не случайно указывается на то, что «в настоящее время данное понятие недостаточно разработано: не определена структура инновационного потенциала, нет столь необходимых сегодня программ оценки инновационного потенциала» [3. С. 6]. Можно полагать, что при операционализации любого психологического феномена необходимо учитывать *стратегический аспект операционализации*, а именно основную схему или план, придерживаясь которых можно осуществить искомую процедуру.

Анализом можно выделить, по крайней мере, три стратегических линии, которые реализуют исследова-

тели при встрече с новым для науки понятием. Назовем их условно «элементаристская», «концептуалистская» и «комплексная» стратегии.

Элементаристская стратегия, на наш взгляд, является самой простой (самоочевидной), поскольку не требует особых теоретических усилий. Начинается ее воплощение с выделения параметров инновационного потенциала путем выделения его «составляющих», элементов, которые представляют собой набор психических или личностных функций, качеств или свойств, достаточно произвольно включаемых в систему параметров инновационного потенциала. Например, «набор», который предлагает Э.В. Иванова, включает следующие параметры: технологический, креативный, мотивационный, эмоциональный, когнитивный, регулятивный [3]. Можно ли, ознакомившись с этой совокупностью понятий, догадаться, что данными параметрами определяется не что-нибудь, а именно инновационный потенциал человека? Думается, что вряд ли. Большинству из этих «параметров» соответствуют одноименные «психические сферы», традиционно выделяемые со времен классического этапа развития нашей науки. Каждой такой «сфере» приписывается особая функциональная роль и способность «взаимодействовать» с другими «сферами». Типичный пример: «Исследуя динамику развития креативности у младших школьников... мы выявили некоторые изменения в познавательной, личностной, мотивационной, эмоциональной сферах детей» [4. С. 14]. Однако это вряд ли означает, что когнитивные, мотивационные, эмоциональные показатели можно рассматривать в качестве составляющих креативного потенциала ребенка. Под такие «параметры» можно подвести практически любой психологический феномен. Можно полагать, что начинать операционализацию феномена с прямых попыток выделения его составляющих вряд ли продуктивно, хотя на первых порах такой ход может оказаться единственно возможным. Например, есть феномен, который мы замечаем по некоторым внешним проявлениям, которые ему же и приписываем, затем мы хотим их оценить (измерить) и вынуждены двигаться от проявлений к их операциональным индикаторам, совокупность которых позволяет идентифицировать сам феномен в его специфическом качестве, обозначаемом понятием (термином). Затем исследователь столкнется с проблемой отсутствия этих индикаторов, а для того чтобы их обрести, будет вынужден выйти в многомерное пространство, в котором искомый феномен существует, т.е. выйти к сущности, которая и заявляет о себе совокупностью внешних проявлений.

Концептуалистская стратегия формируется в том случае, когда особенности мышления ученого определяет теория, которой он придерживается и которую он развивает собственными исследованиями. Она его направляет, но она же его и ограничивает. Если теория построена на одномерных или бинарных конструкциях с четким разделением оппозиций (внешнее – внутреннее, объективная реальность – субъективная реальность, психическое – физическое и т.д.), то мышление, которое этой логикой определяется, будет явно «буксовать» при работе с многомерными феноменами. А именно таким феноменом выступает инновационный потенциал человека.

Например, как понять следующее утверждение: «можно говорить об инновационном потенциале личности как о специфическом процессуальном феномене психики» [5]? Сразу же возникает вопрос, к какому пространству необходимо отнести «феномен инновационный потенциал личности». К пространству «личность», поскольку речь идет о инновационном потенциале личности как ее существенной характеристике? Или пространству «психика», поскольку утверждается, что инновационный потенциал личности есть ничто иное, как «специфический процессуальный феномен психики»? К обоим этим пространствам, т.е. выходя на многомерность феномена? Но тогда предварительно необходимо прояснить методологические основания такого совмещения. Это тем более необходимо сделать в связи с тем, что «современная психология личности представляет собой весьма эклектичную область, специфическое предметное содержание и границы которой весьма нечетко определены... в отличие от психических процессов, состояний и других составных частей предмета психологии», что и составляет, по мнению А.Д. Леонтьева, основной барьер для развития психологии личности, которая «движется сейчас очень быстрыми темпами, но направление этого движения не совсем понятно» [6. С. 56].

Как приходит к своему выводу об «инновационном потенциале личности как о специфическом процессуальном феномене психики» Ю.А. Власенко? Она начинает с теории психического как процесса в качестве идейной базы всего исследования и далее ее ведет то, как она понимает эту теорию. Опираясь на тезис общей теории психического как процесса, систематически разработанной С.Л. Рубинштейном и его последователями, о том, что психика – прежде всего отражение наиболее изменчивых (динамических) существенных свойств и отношений внешнего мира, автор пытается решить проблему того, каким образом и почему психика, являясь эффектом отражения «изменчивых свойств мира», вдруг становится «специфическим феноменом» инновационного изменения мира и самой личности. Первая трудность заключается в том, чтобы психику и личность взять в одной системе собственно психологических координат, но следом всплывает вторая трудность: в эту же систему координат необходимо уложить еще одно пространство, что сделать уже практически невозможно, ибо оно исходной аксиоматикой теории выведено за пределы психического. Это замечает и автор: «Одна из главных трудностей при описании инновационного потенциала личности заключается в том, чтобы внутреннюю логику развития инновационного потенциала личности раскрыть в единстве с системой внешних условий и отношений» [5]. Ограниченность такой стратегии понятна.

Комплексная стратегия. Д.А. Леонтьев, операционализируя феномен толерантности/интолерантности, придерживался следующей стратегии. Сначала следует попытка «комплексного» рассмотрения феномена толерантности с различных точек зрения: индивидуального и общественного сознания, личности, межличностного взаимодействия и макросоциальных процессов. В каждом из этих аспектов рассмотрения выделяются *операциональные индикаторы*, позволяю-

щие оценивать *проявления* феномена, затем на основе теории, которой придерживается автор (в данном случае – культурно-исторической неклассической психологии), строится *рабочая модель*, связывающая между собой различные аспекты толерантности [7]. Как мы видим, теория здесь подсоединяется на позднем этапе – с нее автор не начинает, но использует как средство интеграции различных аспектов, в которых существует явление. Самым сложным здесь оказывается вопрос об основаниях выделения многомерного пространства, в котором предстоит выделить некие линии, грани или аспекты, способные выступить в качестве операциональных индикаторов феномена. Сложность здесь заключается в средствах, опираясь на которые можно хотя бы наметить контуры многомерного пространства реального бытия феномена. Здесь требуется мышление, опирающееся на многомерную логику.

Получается, что движение по линии операционализации феномена *необходимо начинать, отталкиваясь от методологии*, а не от конкретной теории, которая способна не только проявить свой объяснительный потенциал, но и ограничить мышление исследователя своей исходной аксиоматикой. Причем такой методологии, которая способна вскрыть движение психологической мысли, выявить транспективу ее движения, объективировать направление, в котором движется психология, поскольку в ином случае это движение так и останется «не совсем понятным».

Методологически ориентированная стратегия.

Вне привязки к конкретной сфере потенциал можно рассматривать как способность материи переходить от возможности к реальности, от одного состояния к другому (например, от старого к новому). Если методология не позволяет понять жизнь человека как становление, т.е. как переход возможности в действительность, следовательно, как саморазвитие, то никого серьезного исследования сущности, проявлений и операциональных индикаторов инновационного потенциала не получится.

Системная антропология отличается от всех других антропологических ходов, известных в психологии, которая все более активно осваивает антропометрическое измерение, тем, что позволяет объяснить природу расширения хронотопических ценностно-смысловых контекстов: она объясняет причину указанного расширения через понимание природы закономерного усложнения открытых саморазвивающихся человекомерных систем и самого механизма выхода человека за пределы его наличного бытия.

В отличие от других теорий, системная антропология не признает никаких абстрактных «сфер смысла», «системы смыслов». Для нее главным является человек и его составная часть – многомерный мир человека, порядок в котором обеспечивается смыслами и ценностями. Они же обеспечивают переживание человеком своего мира как реальности: мир для человека выступает не просто как отражаемый человеком фрагмент «вещи в себе», но это всегда такой фрагмент, который одухотворен человеком фактом присутствия в нем смысловых и ценностных его измерений, благодаря которым «вещи в себе» превращаются в «вещи для человека». Через смыслы «вещь в себе» присваивается человеком, встраивается в его реальность, дополняет и

расширяет ее, делая ее при этом «объемной», многомерной. В его, человека, действительность, в которой можно действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Системная антропологическая психология строится на представлениях о неподкожной психике, о непрерывности психического, которое в этой своей непрерывности обеспечивает человеку дальное действие при отборе из среды того, что ему соответствует его актуальным потребностям и напряженным возможностям в настоящий момент, играя самую непосредственную роль в превращении «объективной реальности» в органическую (неотрывную) составляющую целого, охватываемого понятием «человек». Логика системной антропологической психологии подводит к выводу, что свобода человека, его воля, сам выбор путей жизнеосуществления (как признак свободы) могут осуществляться только в узком пространстве альтернатив, в пространстве свободного движения (К. Левин), в пространстве, размеченном ценностно-смысловыми маркерами, в той части (секторе, сегменте), в котором конституирует себя психологическая ситуация здесь и теперь осуществляющегося выхода за пределы, в которой возможности человека теряют признак простой потенциальности и превращаются в потенции, обретая силы на свое осуществление. Здесь возникает инновационная активность, обретающая направленность, превращающаяся в силу, выводящую человека за пределы себя, уже осуществленного, но удерживающего свою целостность своим невыходом из режима самоосуществления, саморазвития [8].

Инновационная активность, если ее представить как динамический фактор жизнеосуществления человека, открывается в новом качестве, а именно как стратегический ресурс жизнеосуществления, характеризующий его интенсивность, энергетику, способ жизни, ее стилевые особенности. Сегодня формируется глобальная гуманитарная проблема инновационной активности человека, которая пока не вполне осознанна психологией в качестве непосредственно к ней обращенного социального заказа, хотя с каждым днем становится все яснее, что без участия психологии вряд ли будет найдено ее адекватное решение. Для выполнения этого заказа необходимо предварительно решить задачу более общую, но стратегически весьма значимую. Необходимо хотя бы в первом приближении решить задачу по выявлению функции, роли, миссии психического в обеспечении *жизнеосуществления человека* – как существа, представляющего высший уровень развития живой материи. Такой уровень, на который невозможно экстраполировать то, что мы знаем о жизни и жизнеосуществлении других существ. В связи с этим необходимо отметить преимущество системной антропологической психологии. Она формируется в ориентации на тенденции развития науки, а общую тенденцию ее развития уже давно отметил А.Н. Леонтьев: психология *стремится стать наукой о «высшей – психической – форме жизни»*.

Понятие «потенциал» происходит от латинского слова «*potentia*», которое означает силу, мощь, возможность, способность, существующую в скрытом виде и способную проявиться при определенных условиях. В специальном смысле – это степень возможного

проявления какого-либо действия, какой-либо функции. В более широком смысле потенциал – это совокупность факторов, имеющих в наличии, которые могут быть использованы и приведены в действие для достижения определенной цели, результата. По отношению к человеку можно сказать, что потенциал отражает ресурсную часть (возможности) и степень готовности человека реализовать эти возможности.

Иными словами, инновационный потенциал вбирает в себя ресурсную часть (возможности) и то, что можно было бы назвать «инновационный тонус», своего рода готовность, характеризующую устойчивость превращения потенциала (как резерва) в потенцию. Потенция и есть возможность, обретающая силу на свое осуществление (М. Мамардашвили). Это своего рода переход возможности с виртуального уровня ее существования на уровень активного инновационного действия. На виртуальном уровне это эмоционально-установочные комплексы, на актуальном – рождение инновационного акта, акта сверхадаптивного, свободного, инициативного, трансцендентального. И одновременно это акт самостроительства, саморазвития, утверждение своей суверенности. Этим актом человек не только признает факт несовпадения с собой, но и утверждение себя в новом качестве через собственное

усилие стать другим. Это инициативно предпринятое человеком расширение собственного пространства жизни, оборачивающееся расширением горизонтов своего сознания, своего бытия в мире. Потенциал – это мера единства достигнутого, которое может быть использовано с определенной целью, и возможного, т.е. достижимого при определенных условиях.

Под инновационным потенциалом мы понимаем интегральную системную характеристику человека, определяющую его способность: 1) генерировать новые формы поведения и деятельности, используя те возможности, которые открываются ему в сложной динамике ценностно-смысловых измерений его жизненного пространства; 2) обеспечивать режим саморазвития как стратегический фактор жизнеосуществления.

Инновационный потенциал, таким образом, свойствен природе человека в такой мере, в какой «вообще человеку свойственно расширение контекста осмысления себя и собственных действий. И в антропогенезе, и в индивидуальном развитии мы наблюдаем неуклонное расширение хронотопического и смыслового контекста от узкой ситуации “здесь и теперь” во все более широкие контексты, включающие в себя и отдаленные связи, и прошлое и будущее» [9. С. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кокурин Д.И. Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001.
2. Макагон Б. Социально мобильная личность. По материалам: Освіта-ua 20.02.2007. Режим доступа: <http://pld.org.ua/index.php?go=Pages&file=print&id=962>
3. Иванова Э.В. Влияние психологических особенностей профессиональной деятельности менеджера дошкольного образования на инновационный потенциал сотрудников: Дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2000.
4. Барышников Е.Л. Особенности эмоциональных состояний креативных детей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
5. Власенко Ю.А. Психологический анализ инновационного потенциала личности. Режим доступа: <http://www3.crimea.edu/tnu/magazine/scientist/edition12/tom2/n01212.htm>
6. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.
7. Леонтьев Д.А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
8. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 189 с.
9. Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек – наука – гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2009. С. 69–85.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 22 июня 2010 г.